

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРАВОВЫЕ ОШИБКИ

А. В. Новикова,

аспирант кафедры уголовного права и процесса Смоленского гуманитарного университета, помощник судьи, Смоленский областной суд

В статье обосновывается, что признание государством ценности человеческой личности означает необходимость создания эффективно действующих механизмов обеспечения возможностей добиваться защиты и восстановления прав и свобод от любых незаконных ограничений и нарушений.

Ключевые слова: *правовая ошибка, реабилитация, возмещение морального вреда.*

Что такое правовая ошибка и может ли она быть предметом научного познания? Постановка дискуссионных вопросов в обозначенной плоскости обязывает определиться в приоритетах исследования. Прежде всего, представляется, акцент необходимо сделать на понятии «ошибка» в его многоаспектном выражении. Именно так философия предлагает подходить при изучении значения и анализа того или иного слова. Так, в науке о языке под значением понимают смысловое содержание (языковое); в логике под значением языкового выражения понимают тот предмет (класс предметов), который обозначается этим выражением (предметное), а под смыслом выражения – его мыслимое содержание, т.е. ту заключенную в выражении информацию, благодаря которой происходит отнесение выражения к тому или иному предмету (смысловое)¹. Правовая жизнь общества, по определению энциклопедистов, – это форма социальной жизни, выражающаяся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества, отношения субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов². Правовое пространство, правовое поле, прозрачность границ – употребляемые словосочетания, которые мы слышим из уст известных общественных деятелей и юристов, хотя в юридических словарях и энциклопедиях аналоги этих понятий еще не выявлены. Появляются новые юридические термины, отражающие наиболее глубокие явления правовой сферы и жизни общества. Новый правовой лексикон позволил впервые исследовать феномен ошибки в праве, сформулировать ее понятие, а энциклопедистам – включить в юридические энциклопедии понятие «ошибка и ее правовое значение»³.

При кажущейся простоте восприятия смысла и значения слова «ошибка» законодательное регулирование этой проблемы носит завуалированный характер.

Если абстрагироваться от предмета исследования, можно вспомнить, что ошибка – термин не совсем юридический, а больше математический. В Советском энциклопедическом словаре ошибка толкуется как просчет, погрешность, промах, отклонение результатов измерений от истинных значений измеряемых величин⁴. Обратимся к словарю русского языка С. И. Ожегова: ошибка – неправильность в действиях, мыслях⁵. В. И. Даль начал определение ошибки с глагола «ошибаться» – говорить или делать не так, как есть, как должно; ошибка – промах, погрешность, но и дурное ошибочное распоряжение или поступок, неумышленный поступок, или невольное, ненамеренное искажение чего-либо; ошибка – не обман⁶.

Таким образом, языковое значение связывает понятие ошибки прежде всего с поведенческой деятельностью. Становится очевидным более узкий юридический смысл определения ошибки и ее правового значения, данного В. А. Якушиным: «... ошибка (заблуждение) как категория в процессе социальной практики. Именно в этом ее аспекте ошибка проявляется в праве ...»⁷. Представляется, что сводить понятие правовой ошибки только к заблуждению означает искусственно сузить круг исследования комплексной и доктринальной темы – правовой ошибки. Закономерно ли в связи с этим, с учетом изменив-

шейся общественно-политической доктрины⁸, изменившегося уголовно-процессуального законодательства продолжать дискуссию только об определении уголовно-правового понятия «ошибка» и ее правового значения? Представляется, что можно ответить «нет». Исследователи не имеют права не видеть складывающихся реалий в политической, общественной и правовой жизни.

С учетом анализа институтов уголовно-процессуального права, складывающейся правоприменительной практики и европейских стандартов защиты прав человека можно предложить четыре понятия и соответственно четыре группы правовых ошибок, реально существовавших или существующих в правоотношениях, складывающихся в уголовном судопроизводстве, – это исторические ошибки, законодательные ошибки, профессиональные ошибки, ошибки преступной личности. Последние две группы хотелось бы рассмотреть подробнее⁹.

Профессиональные – это ошибки (или правоприменительные), к которым можно отнести следственные, судебные, адвокатские, тактико-экспертно-криминалистические. Наряду с термином судебная (следственная) ошибка в литературе используются как тождественные понятия законности и нарушение законности. В связи с этим закономерно и логично Т. Н. Добровольская делит причины судебных ошибок на субъективные и объективные. Первые кроются в проблемах некачественного расследования и недостаточно критическом отношении судей к материалам и выводам предварительного следствия. Вторые свидетельствуют о наличии в ряде уголовно-правовых норм оценочных понятий, вызывающих трудности при квалификации преступлений. Однако каких-либо системных выводов сделано не было¹⁰.

Труды ученых 60-70 гг. XX века во многом были посвящены проблемам законности¹¹. Безупречно, думается, мнение С. С. Алексеева о том, что законность – многомерное явление, включающее не только требование строгого и неукоснительного соблюдения всеми субъектами законов и базирующихся на них правовых актов, но и реальное осуществление субъективных прав, надлежащее применение норм закона для исключения произвола в деятельности государственных органов и должностных лиц¹². Представляется, что возможность ошибки в уголовном судопроизводстве должна быть ис-

ключена полностью, так как даже сама мысль о ее допустимости может привести к поверхностным формулировкам в процессуальных решениях и повлечь неисправимые последствия в судьбе участников уголовного процесса.

Ошибки преступной личности подробно освещены профессором В. А. Якушиным в его работах – «Ошибка и ее уголовно-правовое значение и «Субъективное вменение и его значение в уголовном праве», профессором Б. С. Волковым – «Детерминистическая природа преступного поведения», Ф. Г. Гилязевым – «Особенности вины и значение ошибки в уголовном праве». И в данных исследованиях все-таки речь идет об уголовно-правовом значении ошибки при осознании совершаемых действий и их последствий.

В качестве реабилитационной меры, имеющей целью восстановить психологическое благополучие потерпевшего, вынужденного страдать нравственно и физически в результате совершенного в отношении него преступления, законодатель предусматривает возможность получения потерпевшим денежной компенсации за причиненный ему в результате преступления моральный вред, извинений от причинителя вреда, а также возмещения имущественного вреда и восстановления иных прав реабилитированного.

Суть преступления заключается в насилии над личностью, надругательстве над сущностью человека, над тем, во что человек верит. «Преступление разрушительно, поскольку опровергает два фундаментальных представления, на которых строится наша жизнь: веру в надежность и осмысленность мира и веру в автономию личности»¹³.

В ст. 131 Основ гражданского законодательства СССР 1991 года предусматривалась возможность компенсации морального вреда как в денежном, так и в ином выражении, в том числе путем предоставления какого-либо имущества, иных благ.

Гражданский кодекс РФ с 1 января 1995 г. оставил возможность компенсации морального вреда лишь в денежном выражении. Это в свою очередь отмечено Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10, п. 8 которого гласит: «При рассмотрении требований о компенсации морального вреда необходимо учитывать, что по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., компенсация определяется судом в денежной или иной материальной форме, а по правоотношениям, возникшим после 1 ян-

варя 1995 г., – только в денежной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда»¹⁴.

Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство закрепляет, что гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Эта норма позволяет поднять вопрос о законодательной допустимости и имущественной форме компенсации морального вреда.

Практика исполнения решений суда в части взыскания денежной суммы с причинителя вреда также свидетельствует об этом, поскольку зачастую компенсационная сумма не может быть взыскана в связи с финансовой несостоятельностью причинителя вреда. Виновное лицо должно иметь возможность компенсировать моральный вред не только в денежном выражении, а по договоренности с потерпевшим – и в ином соразмерном виде.

В России правосудие носит не восстановительный характер, а, скорее, карательный, но примеров, свидетельствующих о том, что наказание помогает людям стать лучше, практически нет. Наказание осуществляется через привлечение виновных к ответственности за свои поступки. При этом возникает вопрос, является ли в данном контексте наказание полноценной и эффективной мерой ответственности за содеянное. Многие правонарушители совершают преступления, используя то, что психологи называют «стратегией нейтрализации». У них есть оправдания и стереотипы, мешающие им понять человека, которому они причинили вред. Они находят любые извинения и оправдания своим действиям.

Что же происходит в системе правосудия? Правонарушителей изолируют от общества, где они предоставлены сами себе. Адвокат помогает правонарушителю заботиться о себе и не думать о потерпевшем. Государство доказывает факт совершения преступления, а правонарушитель в это самое время заботится о самом себе. Оказавшись в тюрьме, преступники сами становятся жертвами и верят в то, что они жертвы. В идеале система правосудия должна возлагать на них полную ответственность, т.е. заставлять их осознать, что они сделали, и ответить за свои поступки. Процесс правосудия должен быть нацелен в том числе на то, чтобы заставить людей испытывать чувство стыда за себя и за свои поступки.

Российская правовая система сосредоточена на правонарушителях. При отправлении

правосудия сегодня в России никого не забывают состояние и дальнейшая судьба потерпевшего, не возникает вопрос о том, насколько сильно травмированы потерпевшие в результате совершения в отношении них преступления, какой именно вред им причинен, какого рода помощь им нужна и кто эту помощь будет оказывать.

Жертвы (потерпевшие от преступлений) проходят, по мнению Х. Зера, через три кризиса, три цикла, накладывающихся друг на друга. Первый – кризис личности: что я за человек? Хозяин ли я своей жизни? В состоянии ли я любить, если я так зол? Второй кризис – взаимоотношений: кому я могу доверять? Могу ли я доверять своим друзьям? Могу ли я доверять своим соседям? Могу ли я доверять своему партнеру в жизни? И, наконец, третий – кризис понимания: что это за мир, в котором мы живем? «Для исцеления жертв преступлений необходимо, чтобы фаза «шока» сменилась фазой «преобразования». В случае серьезных преступлений пострадавшим важно освободиться от роли жертвы и увидеть жизненную перспективу, попасть в такую точку, откуда преступление и преступник перестали бы проступать столь отчетливо»¹⁵.

В чем нуждаются потерпевшие для полного исцеления? Любой ответ на подобный вопрос может показаться слишком смелым. Да и сам потерпевший зачастую не в состоянии на него ответить, от случая к случаю потребности могут быть разными. «Справедливость, – по мнению Х. Зера, – должна свершиться так, чтобы потерпевший испытал ее как нечто реальное. Потерпевшим важно, чтобы их информировали и хотя бы по некоторым вопросам советовались с ними»¹⁶. Поэтому прежде необходимо выслушивать потерпевшего о возможном, по его мнению, способе восстановления его нарушенных нематериальных благ.

Сегодня на Западе существуют так называемые принципы «возвратного права», и пропагандируется необходимость их применения в России.

В числе принципов «возвратного права» Б. А. Минин называет учет в качестве адекватной меры наказания (ответственности) так называемой договоренности, заключаемой между причинителем вреда и потерпевшим. «Появление в судебном деле величины ущерба будет автоматически означать необходимость его компенсировать со стороны нару-

шителя в пользу жертвы. Иначе вопрос компенсации ущерба мы опять упустим»¹⁷.

В Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» от 28 июня 1985 г. закреплено следующее положение: «Необходимо всю соответствующую информацию о повреждениях и ущербе, понесенном потерпевшим, представить в суд, чтобы он смог принять во внимание при вынесении решения о форме и объеме наказания запрос потерпевшего о компенсации; любую компенсацию или реституцию со стороны преступника или любое искреннее действие в этой связи»¹⁸. В ст. 6 Декларации ООН от 29 ноября 1985 г. указано, что «следует содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв путем:

1) предоставления жертвам информации об их роли и об объеме, сроках проведения и ходе судебного разбирательства и о результатах рассмотрения их дел, особенно в случаях тяжких преступлений, а также в случаях, когда ими запрошена такая информация;

2) обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия;

3) предоставления надлежащей помощи жертвам на протяжении всего судебного разбирательства;

4) принятия мер для сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести»¹⁹.

Х. Зер определяет ряд потребностей потерпевшего. Одной из них является чувство безопасности. Пострадавшие хотят знать, какие шаги будут предприняты, чтобы преступление не повторилось. Это еще и эмоциональная безопасность, когда потерпевшие могут излить свое горе и гнев и рассказать о своих потребностях. Вторая потребность потерпевших, удовлетворения которой они ждут от системы правосудия, – это возмещение ущерба, компенсация потерь. Часто они понимают, что потери невозможны, но иногда важна символическая компенсация, сознание того, что кто-то взял на себя ответственность, воз-

местив ущерб. Третья потребность потерпевшего (а исследования в ряде стран ставят ее на первое место) состоит в необходимости получить ответы на вопросы, что же произошло на самом деле. Потерпевшие хотят знать, почему был выбран именно их дом, имеет ли преступник что-то против них лично. Четвертая потребность потерпевшего – стремление рассказать о том, что с ним произошло, излить свои чувства. В этом состоит, например, суть работы комиссии по примирению в Южной Африке: комиссия предоставляет потерпевшим возможность изложить свою версию преступления. Рассказывая о случившемся, человек проговаривает всю ситуацию, которую он пережил. Пятая потребность состоит в необходимости вернуть власть над собственной жизнью. Правонарушитель отнял ее у потерпевшего, совершив преступление (физически – ворвавшись в его жизнь, а также эмоционально – потерпевший испытывает злость из-за того, что не может справиться с собой, не может контролировать себя). Потерпевшему нужно вернуть эту власть хотя бы символически²⁰.

В ст. 14 Декларации ООН от 29 ноября 1985 г. указывается, что жертвам следует оказывать необходимую материальную, медицинскую, психологическую и социальную помощь по правительственным, добровольным, общинным и местным каналам²¹.

В настоящее время в России не существует отлаженного механизма по оказанию психологической помощи потерпевшим от преступлений. Потерпевшему гарантируется получение компенсации морального вреда, но только в денежной форме. Кроме того, данные гарантии не всегда обеспечиваются государством. Эффективному восстановлению стабильного психологического состояния потерпевшего будет также способствовать развитие системы мер по психологической реабилитации как формы компенсации морального вреда. По нашему мнению, результаты судебно-психологической экспертизы могут свидетельствовать о характере постстрессового состояния потерпевшего, необходимости психологической помощи²².

Разумеется, денежная компенсация способствует возмещению причиненных преступлением страданий, но как бы ни волновали потерпевших материальные ценности, у них есть и другие потребности, которые ими рассматриваются зачастую как более насущные. По мнению автора, извинение как форма ком-

пенсации морального вреда должно быть обязательным. Люди разучились просить прощение друг у друга, поэтому многие не умеют прощать. Обеспечение данной реабилитационной меры государственным принуждением будет способствовать возрождению нематериальных форм заглаживания морального вреда. Искреннее раскаяние, принесение извинений причинителем вреда благоприятно воздействует на душевное спокойствие потерпевшего.

Целесообразным представляется предусмотреть в УПК РФ возможность любой формы компенсации морального вреда по согласованию с потерпевшим. Часть 4 ст. 42 УПК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «По иску потерпевшего о компенсации морального вреда размер компенсации определяется судом при рассмотрении уголовного дела. Форма компенсации морального вреда может быть определена с учетом мнения потерпевшего».

Россия – демократическое правовое государство, в котором права и свободы человека являются высшей ценностью, а соблюдение и защита прав и свобод человека являются обязанностью государства (ст. 1, 2 Конституции РФ). В правовом государстве обеспечиваются верховенство закона, незыблемость основных прав и свобод человека, осуществляется охрана прав и интересов личности, защита общества от произвола властей. В связи с повышением роли судебной власти в государстве в деле преобразования и укрепления социальной направленности развития общества Конституция РФ относит судебную защиту к важнейшим средствам защиты прав и свобод человека и гражданина от любых правонарушений. Признание государством ценности человеческой личности означает необходимость создания эффективно действующих механизмов обеспечения возможностей добиваться защиты и восстановления прав и свобод от любых незаконных ограничений и нарушений.

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 200.

² Хачатуров Р. Л. Юридическая энциклопедия. Правовая жизнь (А. В. Малько) / под ред. В. А. Якушина. Т. IV. Тольятти, 2005. С. 423.

³ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. М., 2005. С. 616.

⁴ Советский энциклопедический словарь. М., 1988. С. 954.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1997. С. 394.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2002. С. 451.

⁷ Хачатуров Р. Л. Указ. соч. С. 329.

⁸ Вопленко Н.Н. Ошибка в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. № 4; Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982; Соловьев А. Б. Причины следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. М., 1988; Веретехин Е. Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. Казань, 1988; Назаров А. Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. СПб., 2003; Китаев Н. Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. СПб., 2004.

⁹ Муратова Н. Г. Правовые ошибки в уголовной юстиции: продолжение дискуссии. Оренбург, 2011.

¹⁰ Добровольская Т. Н. Изменение обвинения в судебных стадиях уголовного советского процесса. М., 1977. С. 84.

¹¹ Строгович М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956; Самощенко И. С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960; Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971; Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973.

¹² Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 113.

¹³ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 2002. С. 32.

¹⁴ Трунова Л. К. Гражданский иск о компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве. М., 1999. С. 95.

¹⁵ Зер Х. Указ. соч. С. 27–29, 34.

¹⁶ Там же. С. 34.

¹⁷ Минин Б. А. О необходимости реализации в правосудии комплекса принципов «возвратного права» // Государство и право. 2003. № 11. С. 102–103.

¹⁸ Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 114–116.

¹⁹ Российская юстиция. 1992. № 9, 10.

²⁰ Зер Х. Указ. соч. С. 34–38.

²¹ Российская юстиция. 1992. № 9, 10.

²² Владимирова В. В. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в уголовном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2012 г.